

сто в деталях, предвосхитив Маркузе, Белла и Тоффлера. Народническо-прудоновская социалистическая мысль дает нам проект, наиболее адекватный задачам формирования сетевых и самоуправленческих отношений. Достижения марксизма полезны для рассмотрения глобального экономико-информационного контекста посткапиталистических перемен. Синтез между основными традициями социализма, на мой взгляд, по-прежнему может быть полезен для решения актуальных задач, вставших сегодня перед человечеством.

Чтобы понять, каким образом эти идеи применимы в нашей стране, необходимо учитывать опыт Перестройки как новой советской революции и первой попытки пост-индустриального перехода. Советский проект, развиваясь параллельно с западным, подошел к пост-индустриальному барьеру в середине 1980-х гг. Неудача Перестройки оказалась результатом как многих объективных обстоятельств (о которых говорится в моей книге «Парадоксы Перестройки»), так и, если хотите, самой сложности проблемы. Однако опыт поражения тоже может быть ценным, и опираясь на него, а также на методологические принципы реальной социалистической идеологии в ее многообразии (включая марксизм, но не ограничиваясь им), мы теперь можем понять, как такой пост-индустриальный переход может быть совершен и в мире, и в России.

Марксизм с человеческим лицом?

*В.Г. Буданов, доктор философских наук,
кандидат физико-математических наук*

Коммунизм, согласно К. Марксу, возникает как гробовщик буржуазии. Лозунги Великой французской революции конца XVIII в. — «Свобода — равенство — братство», возвращенные

эпохой просвещения и разрушившие абсолютизм Европы, символизируют доминанты идеалов основных социальных учений эпохи модерна — либерализма — социализма (демократии) — коммунизма. Вопрос о конвергенции или возможности их окончательного синтеза остается открытым, но ясно одно, что перспектива такого синтеза не реализуема на основании политической науки XIX — XX вв. Дело в том, что весь секулярный XX в. и Запад, и СССР прошли под лозунгом *ratio*, лозунгом исключения сакральных пространств из жизни человека, хотя многие базовые ценности лежат выше рациональных доводов политических оппонентов в сфере духовных укладов культуры. Именно поэтому врагом современного варианта глобализации является консервативная культура национального государства, которая с трудом эроззируется и должна быть если не уничтожена, то редуцирована к своим чисто внешним проявлениям.

В конце концов, на Западе и в России становится совершенно очевидным, что на дворе не просто экономический или финансовый кризис, но кризис антропологический, кризис мировой культуры, кризис, порожденный элиминацией части онтологических пространств человека. За марксовской экономикой и финансовыми пирамидами наживы люди забыли то, что отличает человека от животного. Зачатки экономического и правового поведения зоопсихологи наблюдают уже у высших приматов, а вот духовной культуры там точно не возникает. Возвращение человека к его извечной природе не просто фигура речи; если предполагать возвращение к религиозным основам, то, вероятно, это какие-то совершенно иные, превращенные формы традиции. Говоря об антропологическом повороте, очевидно, речь идет о новых культурных укладах будущего, в которых произойдет эволюция ценностных пространств, их преобразование. Вероятно, и свободное время, как основная ценность по Марксу, должно будет использоваться не для материального потребления и не для занятий шахматами или рациональными упражнениями.

Наука в каком-то смысле выжигает пространство возможного опыта достижимости, и зачастую ученые зрелого возраста приходят к философскому или религиозному стилю мышления. Это неизбежный процесс, который и обсуждался в докладах на примере позднего Маркса.

По вопросу о Советском Союзе я согласен с В.Г. Федотовой, что подробного проекта развития по существу не было; работали, как говорится прямо с колес. За всем этим стояла колоссальная энергия населения России, соизмеримая с энергией петровской эпохи. Не стоит забывать, что сила и жесткость управляющего субъекта, как правило, соответствует силе управляемого объекта. И если сегодня мы наблюдаем слабость власти, то на самом деле и народ спит. Слава богу, что здесь есть некое соответствие, в противном случае Россию уже могли бы давно растащить.

По поводу плановости и сетевости, здесь допустима гармония. Возвращение к плановому управлению на государственном уровне сегодня вполне возможно просто в силу того, что появились удивительные по своей мощности системы документооборота. Проверено это и в больших транснациональных корпорациях, и в научных сетях. В принципе, в плановом хозяйстве СССР надо было согласовывать каждый внеплановый болтик, что было абсурдно и мучительно долго; сегодня корректировка делается мгновенно. Таким образом, в недалекой перспективе возможна экономика, в которой мы будем существовать вне рамок финансовой системы, без контроля ФРС; тогда все можно делать вполне оперативно, а деньгам вернется их подлинная функция, а не функция товара. Возможно, это будет одна из основных заслуг уходящей инженерной эпохи. А что же приходит на смену материальной, энергетической и информационной эпохе? В онтологии человека есть категория состояний, которые и создают условия для творчества, связанные с культурой, культивированием состояний. Это особые технологии, которые сегодня только предстоит осваивать.